

ГУМАНИТАРНЫЕ ПАРАДИГМЫ И ИХ ОСОБЕННОСТИ

А.И. Афанасьев

Термин «парадигма» широко используется в литературе, посвященной анализу структуры и истории науки, но чаще всего он соотносится с естественнонаучным знанием, откуда экстраполируется на науку вообще. В период, когда математические и формально-логические методы давали хороший эффект в построении физических теорий, последние заслужили право считаться образцами, которые и успешно, и безуспешно пробовали применять в самых разных отраслях науки. Дальнейшая эволюция естествознания, в частности, переход его в постнеклассическую стадию, бурное развитие гуманитарных наук, особенно лингвистический и нарратологический бум, поставили перед методологией науки множество вопросов о новых лидирующих дисциплинах и об их парадигмах. Целью настоящей статьи является анализ особенностей гуманитарных парадигм.

В современной методологии науки утвердилось понимание парадигмы, предложенное Т. Куном. Сам он определяет парадигму как «одно или несколько научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности», причем достижения должны быть достаточно «беспрецедентными, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований», а, кроме того, быть «достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых в их рамках могли найти для себя нерешенные проблемы любого вида» [4, с. 28]. Несмотря на неопределенность понятия парадигмы, о чем свидетельствует порядка тридцати его значений, обнаруженных исследователями в работах Т. Куна, оно

довольно четко фиксирует набор убеждений, ценностей, норм, методов и средств, принятых научным сообществом. Парадигма как образец деятельности не обязательно связана с развитой научной теорией, в особенности за пределами классической науки. Сам Т. Кун относил к типичной парадигме не только классическую ньютоновскую механику, но и аристотелевскую динамику, и птолемеевскую астрономию, к которым термин «наука» применим лишь с известными оговорками.

Т. Кун придал понятию парадигмы четко выраженный методологический характер, и оно одно время использовалось преимущественно в методологической литературе, причем посвященной в большей степени естествознанию. Однако, даже в физике парадигма — это не только теории, методы и чисто научные стандарты, но и определенная картина мира, философские установки, мировоззренческие ценностные ориентиры и т. д. Уже это дает основания использовать понятие парадигмы за пределами естествознания и даже за пределами науки, например, в теологии, которую, между прочим, порой зачисляют в разряд гуманитарного знания. Скажем, томистская идея гармонии веры и разума и формула Тертуллиана «верую, ибо абсурдно» могут рассматриваться как две противоположные парадигмы. Повсеместное распространение этого понятия обусловило многочисленные исследования парадигмальных феноменов и поставило вопрос о создании теории парадигмы [6].

В настоящее время понятие «парадигма» употребляется и в изначальном лингвистическом смысле как табличный образец, например, спряжения глагола, и в более широком смысле. Это и осознанный образец применения метода, и неосознанный механизм унификации в культуре как образец решения практических и интеллектуальных проблем, и модель поведения, транслируемая в нарративной форме в виде мифа или притчи, и просто некий способ рассуждения, и недостижимый образец, шедевр в искусстве, и некая служебная инструкция, и определенная мыслительная установка. Особенностью таких парадигм является сочетание формализованных, описанных правил деятельности и неформализованных, неосознанных или осознанных, но неписанных правил.

Функционирование в культуре большого количества парадигм ставит вопрос об их сосуществовании, в том числе, соизмеримости, взаимовлиянии, совместимости, преобладании, борьбе, вытеснении, дроблении, объединении и т. п. Сосуществование парадигм обуславливает их разнообразное влияние, выходящее за пределы той области знания и деятельности, где парадигма сформировалась. Можно предпо-

ложить наличие культурного механизма, переносящего парадигмы из одной сферы в другую. Иначе многие открытия выглядят как чудо. Так иногда описывают изобретение фотографии, которая получилась из якобы случайного совмещения знаний о химических реактивах со знанием камеры-обскура. Однако, как отмечает Р. Архейм, к такому совмещению человечество было готово столетиями раньше. Но фотография появилась тогда, когда она смогла стать помощником в развитии реалистической парадигмы в искусстве, привнеся характерное чисто механическое навязывание проективного образа физического мира [1, с. 145].

Парадигмы можно различать по степени общности и, соответственно, преобладания, в зависимости, например, от характера интеллектуальной или практической деятельности. Общая мифологическая оценка древними греками упорядоченности мира, государства, семьи по существу являлась парадигмой космоса, установленного олимпийскими богами, которые победили титанов, олицетворявших хаос. Если представления древних о космосе являются проекцией человека на мир, то нельзя ли их считать первой гуманитарной парадигмой, с которой соотносились все представления о порядке, гармонии, красоте? Возможно, поэтому в Древней Греции техника (*techne*) была связана не только с ремесленным мастерством, но и с высоким искусством. И ремесленное, и художественное произведение считались продуктами *techne*. Здесь можно усмотреть влияние той же парадигмы космической гармонии, которое продолжается и в период Ренессанса, хотя средневековое христианство переставило многие акценты. Разумеется, это была не единственная парадигма культурной деятельности, но тяга к упорядоченной универсализации преобладала, несмотря на специализацию видов деятельности и умножение их образцов. У Леонардо да Винчи живописное полотно и техническое изобретение были однопорядковыми вещами.

Лишь начиная с Галилея, постепенно преодолевается универсализм Возрождения и прежняя общекультурная парадигма. Философия, наука, искусство, техника обретают собственные ниши с собственными парадигмами. Но парадигма «*techne*» работает до сих пор: мы восхищаемся техникой живописца, музыканта, футболиста, лектора, ученого и других представителей творческих специальностей, для которых «техничность» не должна, казалось бы, преобладать над «божьей искрой». Специализация науки также вызвала к жизни разные специализированные научные парадигмы, например, естественнонаучные и гуманитарные. Пожалуй, только в классическом естествознании, осно-

ванном на жесткой рациональности, парадигмы несовместимы и вытесняют друг друга. Но вряд ли это является общекультурной нормой, поскольку в других сферах науки и культуры парадигмы взаимодействуют иначе.

Естественные и гуманитарные науки лежат в разных плоскостях, которые пересекаются лишь частично. В одной плоскости с естественными науками находятся искусство, литература, религия, поскольку все это формы осмысления мира и человека в этом мире. А гуманитарные науки есть формы осмысления этого осмысления, поэтому их иногда называют рефлексивными науками. Впрочем, это не вполне точно, поскольку любое научное знание рефлексивно. Как бы там ни было, но непосредственного выхода в реальный мир гуманитарные науки не имеют, видя его опосредованно. Даже человека они изучают не как данность, а как его отражение или выражение в духовных феноменах, скажем, текстах, культурных нормах и т. д. Если же считать, что естествознание также не выходит в реальный мир, поскольку имеет дело не с реальными объектами, а с их конструктами, о чем часто заявляют исследователи неклассической и постнеклассической науки, то тогда гуманитарные науки имеют дело с конструктами конструктов, т. е. все равно располагаются «этажом выше» естествознания. Следовательно, сравнивать гуманитарные и естественные науки, как и их парадигмы, следует с учетом указанной «разноэтажности».

В гуманитаристике следует выделять парадигмы двух родов: во-первых, парадигмы самой творческой деятельности в искусстве, литературе и вообще в культуре, которые иногда называют гуманитарными парадигмами, и, во-вторых, парадигмы исследовательской деятельности об этом мире культуры, т. е. парадигмы гуманитарных наук. Из-за этого, в частности, могут не совпадать по смыслу и назначению гуманитарные парадигмы и парадигмы гуманитарных наук.

Специфика гуманитарного знания иногда служит основанием для отрицания парадигм в некоторых гуманитарных науках, например в исторических. «Их особенность в том, что они плохо поддаются теоретизации. Некоторые авторы полагают, что задача построения теории в них вообще не решаема вследствие их многофакторности, гибридности, нелинейности. Для них нужны факты, опыт, интуиция, воображение, но не парадигмы. . . Причем это не недостаток, а онтологическое свойство этих наук» [7, с. 8].

Действительно, исторические науки — это науки иного типа сравнительно с теоретическими. Отсюда, однако, не следует, что вся работа в исторических науках сводится к эмпирии, хотя эмпирический матери-

ал там занимает решающее место, что предопределяет особые принципы, методы исследования, особые требования, оценки и т. д. Эту особенность не следует переносить на все гуманитарные науки, многие из которых имеют не только развитый теоретический уровень, но и развитые теории, явный, ярко выраженный парадигмальный характер исследования и т. п. черты естественнонаучного знания. Однако вообще обойтись без парадигм историческое знание не может. Не останавливаясь на детальном анализе роли теорий в историческом знании, отметим, что, во-первых, парадигмы не сводятся к теориям, а включают в себя социокультурные компоненты, во-вторых, теориями и парадигмами в исторических науках часто выступают философские, религиозные, психологические, социальные и иные концепции. Например, после возникновения марксизма главным в исторических дисциплинах стало изучение социальной и экономической истории, в то время как до середины XIX века историки изучали в основном политическую, событийную сторону истории. Марксистская парадигма так повлияла на смену ведущих тем исследования, что к концу XX века в историческом знании безлические силы и процессы вытеснили реального участника и творца истории — человека. Парадигмальным требованием было изучение либо общественного бытия и масс, например классов, либо мыслителей, героев, выдающихся личностей. Причем, марксисты занимались преимущественно социально-экономической историей и историей классовой борьбы, а немарксисты изучали коллективное сознание и ментальные установки [3, с. 62]. Современная парадигма исторического познания требует, чтобы «вся область человеческих настроений, верований, убеждений, ценностей, нравственных суждений была включена в структуру исторических объяснений. . . Поэтому своеобразной установкой, а не красочным дополнением, является социально-историческая психология» [3, с. 63-64].

Многие исследователи истории самых разных направлений осознали не только парадигмальность исторической науки, но и специфику исторических и других парадигм гуманитарной сферы. «Мы уже не чувствуем своим долгом навязывать всем объектам познания единообразную интеллектуальную модель, заимствованную из наук о природе, ибо даже там этот шаблон уже не может быть применен вполне. Мы еще не слишком хорошо знаем, чем станут в будущем науки о человеке. Но мы знаем: для того, чтобы существовать — продолжая, конечно, подчиняться основным законам разума,— им не придется отказываться от своей оригинальности или ее стыдиться» [2, с. 14].

Рассматривая естественнонаучные парадигмы, легко заметить, как

они определяют индивидуальное творчество ученых. Примерами могут служить парадигмы классической механики, квантовой механики и др. Не случайно парадигмы связывают с соответствующими научными сообществами, группирующимися вокруг определенных парадигм. Поэтому, даже зная имена основоположников, мы не рискуем называть их парадигмы индивидуальными. Ньютоновская или птолемеевская парадигмы не предполагают, что ими пользовались исключительно Ньютон и Птолемей. В искусстве и литературе дело обстоит также и в то же время иначе. С одной стороны, там тоже обнаруживаются школы и направления, группирующиеся вокруг основных идей, методов, лидеров. Здесь напрашивается аналогия с естественнонаучными парадигмами и научными сообществами. Можно упомянуть немецких романтиков, парадигма которых предполагала, что в сознании художника рационально оформленная идея реализуется в соответствующем поэтическом или живописном образе. Показательным является деятельность русских символистов, у которых при всем их своеобразии, отсутствии единого стиля и единой концепции, все же четко просматривается общее парадигмальное основание творчества — стремление выражаться аллегориями и символами: «мысль изреченная есть ложь». Но, с другой стороны, огромное значение приобретают индивидуальные парадигмы, которые не всегда четко фиксируются самими их носителями, а тем более читателями или зрителями. Обнаружение подобных парадигм учеными-гуманитариями сродни естественнонаучному открытию. Ю. Лотман показывает, как выработанная А.С. Пушкиным парадигма историко-культурного процесса определяла его творческие замыслы и их воплощение в стихах и прозе [5]. При этом сам Лотман принадлежал к Тартуско-московской семиотической школе как научному сообществу со своей исследовательской парадигмой. Существенно, однако, что как парадигмы творческой работы литераторов, так и парадигмы ученых, исследователей их творчества, не являются столь общезначимыми как в естествознании.

В гуманитарном познании нередко приходится иметь дело с парадигмой в парадигме, своеобразной парадигмой-матрешкой. Деятельность людей основывается на некоторой парадигме. Объяснение, даваемое исследователями-современниками или летописцами, основывается на другой парадигме, определяющей их понимание событий своего времени, в частности, поведенческой или творческой парадигмы. Исследователь более позднего периода, исходя из парадигмы своего времени, должен учитывать обе предыдущие парадигмы, встраивая их как матрешки в свое объяснение. Игнорирование этой особенности

приводит к серьезным ошибкам и искажениям, особенно в историческом познании, например, когда поведению людей прошлого приписываются мысли и чувства, свойственные не им, а современным людям. Последнее часто имеет место в исторических романах и кинофильмах, но встречается и в научных текстах.

Парадигмы, работающие в философии, социологии, культурологии, истории, литературоведении и других областях гуманитарного знания воспроизводят специфику последнего. Оно, во-первых, задает не только научные, но и сословные, классовые, национальные интересы, что обеспечивает государственную, идеологическую или иную поддержку соответствующих парадигм. Во-вторых, гуманитарные теории носят более сложный, многогранный, комплексный характер по сравнению с естественнонаучными, из-за чего требуется множество парадигм. В-третьих, принципиально невозможно в одной теории охватить все разнообразие культурной жизни, поэтому парадигма, в рамках которой изучается практическая или культурная деятельность, не может быть одна. В-четвертых, объект гуманитарного, в особенности социогуманитарного знания довольно быстро меняется, и смена теорий и, соответственно, парадигм должна поспевать за ним.

Смену парадигм в естествознании часто ассоциируют с прогрессом в научных исследованиях: более поздняя парадигма, дескать, является более совершенной. В качестве примера приводят обычно релятивистскую механику, обладающую лучшими объяснительными возможностями по сравнению с ньютоновской парадигмой. Тем самым пытаются спасти идею единства мира и, соответственно, науки, в частности, совместимость законов макро- и микромира. По-видимому, это лишь дань классическому образцу естествознания. Постнеклассическая наука допускает сосуществование различных миров и соответствующих парадигм, а тем более применение последних в различных познавательных ситуациях. Недалек от истины был П. Фейерабенд, показывавший, что эволюция науки связана с умножением альтернативных теорий. Поэтому прогресс как в практической, так и в познавательной деятельности, следует усматривать скорее в увеличении разнообразия парадигм, а не в вытеснении лучшими худших. Кроме того, смена гуманитарных парадигм не всегда означает прогресс в познании. Она может быть реакцией на изменение социально-культурного мира. Поэтому более поздние парадигмы не обязательно оказываются лучшими, так как, давая эффект понимания новых условий, могут не объяснять прежних исторических периодов. И тут принцип соответствия вряд ли спасает ситуацию, скорее срабатывает принцип

дополнительности. Объяснительные установки или модели, работающие в одни исторические периоды, нельзя автоматически переносить на другие. Например, понимание объекта собственности как способа извлечения прибыли и роста благосостояния, характерное для Европы XIX в., не подходит для античности или средневековья. В этом плане является совершенно неверным критическое отношение к древним, закапывавшим сокровища в землю или топившим их в болоте, вместо того чтобы пустить их «в дело». Ведь тогда личная вещь как бы несла частицу своего хозяина, его достоинства и недостатки. Сокровища нередко закапывали не столько «на потом», сколько для того, чтобы вместе с ними не достались другим качества их обладателя. Описанная в русской литературе расточительная жизнь дворян, осуждаемая в рамках предпринимательской парадигмы, была способом дворянского существования, вытекающим из дворянского мировоззрения и мироощущения. Предпринимательская парадигма соотносит такую жизнь с ленью, косностью и не в состоянии объяснить дворянского патриотизма, героизма, государственного подхода. Очевидно, что названные парадигмы должны сосуществовать и применяться в соответствующих случаях. Сосуществование парадигм, в том числе гуманитарных, позволяет заключить, что борьба и вытеснение парадигм не так широко распространены, как полагал Кун, поскольку парадигмы, в основном, имеют собственные культурные и познавательные ниши.

В употреблении термина «гуманитарные парадигмы» можно обнаружить четыре основных смысла. Во-первых, этот термин порой применяется к парадигмам деятельности в области культуры. Человек, не может жить в природе, не переделывая ее, не создавая культурную среду своего обитания. Одним из механизмов культурной деятельности являются парадигмы как образцы культурного творчества. Они изучаются, скажем, культурологией как гуманитарной дисциплиной, из-за чего считаются гуманитарными парадигмами. Подобной культурной парадигмой в принципе является и естественнонаучная парадигма. Поэтому называть все культурные парадигмы гуманитарными, возможно, верно по существу, но бессмысленно терминологически, ибо теряется актуальная проблема соотношения гуманитарных и естественнонаучных парадигм как внутринаучных образований. Во-вторых, гуманитарными называют парадигмы высокого творчества в области искусства и литературы. Применение термина, возможно, оправданно, но с оговорками, ведь исследование, познание, приобретение знания не является главной задачей литературы и искусства. В-третьих, применительно к технической, практической и научной де-

тельности, а также к естественнонаучному исследованию выдвигается требование человекообразности и, прежде всего, учета возможных рисков и опасностей для человечества. Подобные требования порой называют гуманитарными парадигмами, но это не есть собственно парадигмы гуманитарных наук. В-четвертых, парадигмы исследовательской деятельности в сфере духа, в отличие от исследований природных объектов, к которым принадлежит и человек как природный объект, являются парадигмами гуманитарных наук и в этом контексте гуманитарными парадигмами. Сказанное относится и к исследованию естественнонаучных текстов и самого естественнонаучного мышления. Поэтому, если ученый-естественник рефлексивирует по поводу своей мыслительной деятельности и своей науки, то он вступает в сферу гуманитарного познания («переходит этажом выше») и должен включаться в существующие гуманитарные парадигмы или создавать новые. Не случайно методология науки является гуманитарной дисциплиной, хотя создавалась не только гуманитариями. Это относится и к истории науки, и другим дисциплинам, изучающим науку.

В качестве вывода отметим, что придание образцам гуманитарной познавательной и практической деятельности парадигмального статуса понижает рейтинг естественнонаучных парадигм, что отнюдь не лишает последние их огромного значения для человечества. Парадигмальное разнообразие следует считать не недостатком, а достоинством, как науки так и вообще культуры.

1 Литература

- [1] *Ариксейм Р.* Новые очерки по психологии искусства. — М.: Прометей, 1994.
- [2] *Блок М.* Апология истории, или ремесло историка. — М.: Наука, 1986.
- [3] *Гуревич А.Я.* Историческая наука и историческая антропология // Вопросы философии. — 1988. — № 1. — С. 56-70.
- [4] *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: Прогресс, 1977.
- [5] *Лотман Ю.М.* Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи // Лотман Ю.М. Пушкин: Статьи и исследования. — СПб: Искусство-СПБ, 1999. — С. 293-299.

- [6] *Севостьянова М.* «Белые пятна» теории парадигм // *Філософські пошуки*, вип. XXVII. — Львів–Одеса: Cogito — Центр Європи, 2008. — С. 146-155.
- [7] *Фролов В.Т.* О науке геологии. Статья 2. Геологические теории // *Вестник Моск. ун-та. — Серия 4. Геология.* — 2001. — № 1. — С. 3-11.

Надійшла до редакції 26 лютого 2010 р.